

ЭЛИЗАБЕТ
ХОЙТ

*Мое любимое
удовище*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х70

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Elizabeth Hoyt
DARLING BEAST

Перевод с английского *Е. А. Ильиной*
Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства
Grand Central Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хойт, Элизабет.

Х70 Мое любимое чудовище : [роман] / Элизабет Хойт ;
[перевод с английского Е. А. Ильиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-147086-9

Талантливая актриса Лили Стамп, впутавшаяся в отчаянное предприятие по восстановлению маленького театра в центре заброшенного увеселительного сада, вынуждена жить чуть ли не в руинах этого театра вместе с маленьким приемным сыном и преданной служанкой.

Смелый малыш заводит дружбу с мрачным немым садовником по прозвищу Чудовище, а потом и сама Лили понемногу начинает доверять этому таинственному человеку, к которому ее почему-то тянет все сильнее.

Девушка не знает, что под маской Чудовища скрывается королевский солдат Аполлон Грейвс, виконт Килбурн, несправедливо объявленный опасным сумасшедшим убийцей...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Nancy M. Finney, 2014
© Перевод. Е.А. Ильина, 2022

ISBN 978-5-17-147086-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

*В давние времена жил-был царь, который и дня не мыслил без войны. Одеждой ему служили доспехи. Даже во сне он разрабатывал планы сражений и слышал крики врагов...**

*Апрель 1741 года
Лондон, Англия*

Будучи матерью семилетнего мальчика, Лили Стамп привыкла вести беседы на самые странные темы. Ей приходилось размышлять, носят ли рыбы одежду; глубоко и обстоятельно рассуждать о происхождении сахаренных слив с последующей лекцией о том, почему маленьким мальчикам нельзя завтракать ими каждый день, а уж печально известный спор о том, почему собаки лают, а кошки — нет, и вовсе повторялся с завидным постоянством. По этим причинам ее нельзя было осуждать за то, что за ленчем она не обратила никакого внимания на заявление сына о появлении в их саду чудовища.

— Индио, — произнесла Лили с едва заметной ноткой раздражения в голосе, — тебе обязательно нужно вытирать липкие пальцы о Нарцисску? Не думаю, что ей это по нраву.

К сожалению, это было вопиющей ложью. Нарцисска — очень молодая и очень глупая рыжая левретка

* Мифы Древней Греции. Легенда о Минотавре. См. и далее: там же.

с белым пятном на груди — уже радостно выгибала свое изящное тело и крутилась волчком в попытке слизнуть со спины сладкое пятно.

— Мама, — терпеливо повторил мальчик, откладывая в сторону намазанный джемом хлеб, — ты не слышала, что я сказал? У нас в саду поселилось чудовище.

Индио даже подался вперед, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. При этом его вьющаяся темная прядь упала на голубой глаз. Другой глаз мальчика был зеленого цвета, что некоторых приводило в замешательство, но Лили уже давно к этому привыкла и не придавала значения удивленным взглядам или замечаниям.

— И у него есть рога? — с абсолютно серьезным видом поинтересовалась третья представительница этого маленького семейства.

— Мод! — зашипела на нее Лили.

Мод Эллис с грохотом поставила тарелку с сыром на слегка подпаленный с одной стороны стол и уперлась руками в тощие бока. Мод разменяла шестой десяток и, несмотря на свое миниатюрное телосложение — она доходила Лили лишь до плеча, — никогда не стеснялась говорить то, что думает.

— Что ж, может, он увидел самого дьявола?

Лили предостерегающе прищурилась. Индио частенько снились кошмары, и потому этот разговор вовсе не казался ей безобидным.

— Индио не видел ни дьявола, ни чудовища, коль уж на то пошло.

— Нет, видел, — упрямо заявил мальчик. — Только рогов у него не было. Зато плечи во-о-от такие. — Он раскинул руки так широко, как только смог, едва не опрокинув на пол миску с морковным супом: ее ловко подхватила Лили, к огромному разочарованию Нарцисски.

— Прошу тебя, ешь свой суп, Индио, пока он не оказался на полу.

— Значит, то был не Брауни*, — решительно заключила Мод, усаживаясь на свой стул. — Уж больно они маленькие, хоть и умеют превращаться в лошадей. Твое чудовище превратилось в лошадь, дорогой?

— Нет, Мод. — Индио отправил в рот полную ложку супа и, к сожалению, опять заговорил: — Оно выглядит как человек, только больше и страшнее. Руки у него как... как... — Изящные брови мальчика сходились на переносице, по мере того как он подыскивал подходящее для сравнения слово.

— Твоя голова, — услужливо подсказала Лили. — Треуголка. Нога ягненка. Нарциска.

Услышав собственное имя, левретка залилась лаем и принялась радостно кружиться.

— Он был мокрый или зеленый? — спросила Мод.

Вздыхнув, Лили оставила попытки урезонить сына, а Мод продолжила идентифицировать чудовище с помощью длинного списка фей и разных мистических тварей. Мод выросла на севере Англии и, судя по всему, сформировалась как личность на самых страшных сказках и легендах. Она частенько рассказывала их маленькой Лили, и в результате девочку мучили ночные кошмары. И сколько Лили ни пыталась запретить Мод рассказывать подобные истории сыну — в большинстве случаев это не приносило результатов.

Ее взгляд скользнул по захудалой комнате, куда они переселились не далее как вчера днем. У закопченной стены располагался маленький камин. Сундук с вещами Лили пришлось вплотную придвинуть к кровати Мод.

* В английском фольклоре — темнокожий домовый с растрепанной шевелюрой.

Центр комнаты занимал стол и четыре стула. Возле камина приютились крошечный письменный стол и шаткий диван цвета темной сливы. Сбоку от него виднелась дверь в бывшую гардеробную, где теперь стояла кровать Лили впритык к раскладушке Индио. Эти две комнаты — все, что осталось от подсобных помещений великолепного театра «Хартс-Фолли». Сам театр и весь парк развлечений сгорели дотла прошлой осенью. Запах дыма все еще витал в этом месте подобно призраку, хотя бóльшую часть обломков уже успели разобрать.

Лили передернулась. Возможно, мрачность этого места породила монстров в воображении ее сына.

Индио прожевал большой кусок хлеба с джемом и убежденно заявил:

— Он живет в парке, и у него косматые волосы. Нарц тоже его видела.

Лили и Мод одновременно посмотрели на собаку. Нарциска сидела рядом со стулом Индио и покусывала заднюю лапу, потом не удержала равновесие и завалилась на спину.

— Возможно, Нарциска просто объелась, вот ей и померещилось невесть что, — дипломатично заметила Лили. — Мы вот с Мод ничего такого не замечали.

— Вообще-то я встретила вчера у причала весьма подозрительного лодочника с огромным носом, — пробормотала Мод, но когда Лили бросила на нее предостерегающий взгляд, поспешно добавила: — Нет, никакого чудовища я, конечно же, не видела, только лодочника с носом, похожим на грушу.

Индио обдумал услышанное.

— У того тоже большой нос. — Разноцветные глаза мальчика округлились и заблестели от возбуждения. — И крик. Наверное, он разрывает им детей на части, перед тем как съесть!

— Индио! — воскликнула Лили. — Довольно.

— Но, мама...

— Нет. А теперь почему бы нам не обсудить рыбью одежду или... или как научить Нарцисску выполнять команды и подавать голос?

Индио шумно вздохнул.

— Да, мама, — понурил он голову, явив собой воплощение уныния.

Лили вдруг подумала, что когда-нибудь из него получится великолепный драматический актер, и бросила умоляющий взгляд на Мод, но та лишь покачала головой и склонилась над тарелкой.

Лили откашлялась и не очень уверенно проговорила:

— Думаю, дрессировка пойдет Нарцисске на пользу.

— Пожалуй. — Индио проглотил последнюю ложку супа, зажал в кулаке хлеб и, посмотрев на Лили своими большими глазами, попросил: — Можно, я выйду из-за стола, мама?

— О, да, конечно.

Мальчик в мгновение ока спрыгнул со стула и поспешил к двери. Нарцисска с лаем бросилась за ним.

— Не ходи к пруду! — крикнула вслед сыну Лили, однако дверь, что вела в сад, уже захлопнулась у него за спиной.

Лили тяжело вздохнула и перевела взгляд на Мод.

— У меня не слишком хорошо получается, верно?

Та пожала плечами.

— Наверное, могло бы быть и лучше, но он чувствительный мальчик: совсем как ты в его возрасте.

— Я?

Когда-то Мод Эллис нянчила Лили, но со временем стала для нее больше чем няней. Пожилая дама была весьма суеверна, но, несмотря на это, Лили безоговорочно доверяла ее мнению во всем, что касалось воспитания детей,

что оказалось весьма кстати, когда она осталась с сыном одна.

— Думаешь, мне стоит пойти за ним?

— Да, но не сейчас, немного погода. Пусть успокоится. — Мод указала своим остреньким подбородком на тарелку Лили. — Лучше это доесть, золотце.

Уголки губ Лили изогнулись в улыбке: так приятно слышать это ласковое обращение!

— Как бы мне хотелось подыскать для нас другое жилье, не это убожество... — Она осеклась, не желая лишний раз вспоминать, во что превратился некогда прекрасный парк развлечений.

— Да, жутковатое, — согласилась не отличавшаяся деликатностью Мод. — Все эти обгоревшие деревья, обрушившиеся здания, и ни души на целые мили вокруг по ночам. Каждый вечер я кладу под подушку маленький мешочек с чесноком и шалфеем. Что и тебе советую.

— Мм... — уклончиво пробормотала Лили, которой вовсе не улыбалось просыпаться от резкого запаха чеснока и шалфея. — Во всяком случае днем здесь находятся рабочие.

— Кучка грязных оборванцев, — решительно тряхнула головой Мод. — Не знаю, где мистер Харт нашел этих так называемых садовников. Не удивлюсь, если выяснится, что он подобрал их на улице или еще хуже... — Она подавалась вперед и хрипло прошептала: — Снял с корабля, направлявшегося в Ирландию.

— О, Мод, — мягко укорила няню Лили. — Не знаю, почему ты так не любишь ирландцев: им просто нужна работа, так же как и остальным.

Мод фыркнула, энергично намазывая масло на хлеб.

— Кроме того, — поспешно добавила Лили, — мы здесь только до тех пор, пока мистер Харт не поставит новую пьесу, в которой у меня будет главная роль.

— И где же он собирается ее ставить? — спросила Мод, окинув взглядом обугленные балки над головой. — Для начала ему нужно построить новый театр, но прежде привести в порядок парк, а на это потребуется год, а то и больше.

Поморщившись, Лили хотела было возразить, но Мод закусил удила: потрясая перед Лили куском хлеба, так что на стол посыпались крошки, она заявила:

— Никогда ему не доверяла! Слишком уж любезен и болтлив. Сладкие речи мистера Харта способны заставить птаху спорхнуть с дерева к нему в ладонь, чтобы потом напрямик отправиться в печь. А еще... — Мод намазала на хлеб последний кусок масла. — Он способен уговорить любую актрису, у ног которой лежит весь Лондон, играть только в его театре.

— Справедливости ради надо сказать, мистер Харт не предполагал, что театр и сам парк сгорят дотла.

— Твоя правда, но он точно знал, что, переманив тебя к себе, сильно рассердит мистера Шервуда. — Мод выразительно вонзила зубы в хлеб.

Лили сморщила нос. Мистер Шервуд — владелец «Ковент-Гардена» и ее бывший работодатель — слыл личностью довольно мстительной. Он пообещал сделать так, что Лили никогда больше не найдет работу в Лондоне, если примет предложение мистера Харта, посулившего ей жалованье вдвое больше того, что платил он сам.

Это не представляло для Лили проблемы до тех пор, пока не случился пожар в «Хартс-Фолли». Вот тогда она и обнаружила, что мистер Шервуд сдержал слово. Отныне ни один театр Лондона не желал предоставлять роли опальной актрисе.

И после полугода без работы, потратив все свои сбережения, Лили была вынуждена съехать из стильно обставленных меблированных комнат и поселиться в этих двух каморках.

— Зато мистер Харт не берет с нас денег за проживание, — выдвинула слабый аргумент Лили.

К счастью, что сказала на это Мод, понять не удалось из-за того, что ее рот был занят супом.

— Ладно. Пожалуй, мне действительно следует отправиться за Индио, — сказала Лили, поднимаясь из-за стола.

— А как быть с твоим обедом? — спросила Мод, указав на недоеденный суп.

— Поем позже. — Лили закусила губу. — Ужасно беспокоюсь, когда он так расстроен.

— Ты слишком его балуешь, — фыркнула Мод, однако перечить не стала.

Лили постаралась скрыть улыбку: если уж кто и баловал Индио, то сама няня.

— Я скоро вернусь.

Мод махнула рукой, и Лили направилась к двери. Петли душераздирающе заскрипели, одна и вовсе треснула от жара огня и отошла от панели. День выдался пасмурный. Тяжелые серые тучи снова предвещали дождь, порывы ветра разбивались о почерневшую землю. Задрожав от холода, Лили крепко обхватила себя руками, пожалев, что не взяла шаль.

— Индио!

Порыв ветра заглушил ее крик, и Лили беспомощно огляделась. Огонь и весенние дожди превратили некогда прекрасный парк развлечений в наполненную грязью и копотью топь. Живые изгороди, обрамлявшие посыпанные гравием дорожки, выгорели дотла и теперь извивались, исчезая вдаль, почерневшие и безжизненные. Слева от Лили виднелись останки каменной площадки и галерея, где располагались развлекавшие гостей музыканты. Теперь ряды полуразрушенных колонн подпирали лишь небосвод. Справа торчали из земли черные стволы деревьев, из-за которых проглядывала зеркальная поверх-

ность водоема — декоративного пруда, теперь засоренного илом. Кое-где сквозь толстый слой сажии пробивались зеленые побеги, однако Лили вынуждена была признать, что в столь пасмурный день, как сегодня, со стелющимися по земле ключьями тумана парк выглядел весьма неприятно и пугающе.

Лили поморщилась: не стоило отпускать Индио в сад одного, — но как же трудно удержать в четырех стенах активного маленького мальчика. Лили двинулась по одной из садовых дорожек и, поскользнувшись в грязи, пожалела, что не надела башмаки на толстой деревянной подошве. Если придется искать сына еще некоторое время, ее легкие расшитые туфельки будут безвозвратно испорчены.

— Индио!

Лили обогнула то, что некогда было небольшой рощицей аккуратно подстриженных деревьев, почерневшие ветви которых теперь беспокойно шелестели на ветру.

— Индио!

Из зарослей донеслось ворчание, и Лили остановилась как вкопанная.

И опять этот звук — громкое раздраженное фырканье. Звуки были слишком громкими, слишком низкими для человека — словно их издавал... огромный зверь.

Лили поспешно огляделась по сторонам, но вокруг ни души, она совершенно одна. Может, стоило вернуться и позвать на подмогу Мод? Но ведь Индио здесь!

Снова ворчание, на этот раз более громкое, какой-то треск, чье-то тяжелое дыхание.

Господь всемогущий! Лили подхватила юбки на случай, если ей придется бежать, и медленно двинулась вперед.

Стон и низкий звук, похожий на рык.

Лили судорожно сглотнула и осторожно выглянула из-за обгоревшего ствола. Сначала то, что она увидела, на-

поминало огромный движущийся холм, покрытый грязью, но потом это нечто выпрямилось, явив ее взору широченную спину, огромные плечи и косматую голову.

И Лили, не сдержавшись, издала звук, угрожающе похожий на писк.

Нечто развернулось — гораздо проворнее, чем можно было ожидать от существа таких невероятных размеров, — его ужасное, покрытое сажей лицо приобрело злое выражение, а лапа поднялась, словно ее обладатель вознамерился ударить Лили. В лапе был зажат загнутый на конце острый нож.

Лили сглотнула. Если доживет до конца дня, то непременно извинится перед Индио, ибо в парке действительно обитало чудовище.

День не задался с самого начала, считал Аполлон Грейвс, виконт Килбурн. По грубым подсчетам, добрая половина древесных насаждений парка развлечений погибла, и, вполне возможно, такая участь ждала еще четверть растений. Источник, питавший декоративный пруд, оказался завален головешками, и теперь вода в нем изрядно застоялась. Садовники, которых нанял для Аполлона Аса, в большинстве своем оказались непригодными для работы. В довершение ко всему весенние дожди превратили руины «Хартс-Фолли» в настоящую топь, что вынуждало отложить работы в парке до тех пор, пока не просохнет земля.

И вот теперь здесь появилась эта незнакомка.

Аполлон смотрел в огромные зеленые, оттенка лишайника, глаза, обрамленные такими темными и густыми ресницами, что казалось, будто они вымазаны сажей. Женщина или девушка? Она была не слишком высокой, однако беглый взгляд на лиф ее платья убедил Аполлона в том, что она вполне себе взрослая — благодарение Богу, — просто

очень миниатюрная, да к тому же одета в дурацкое платье из зеленого бархата, чрезмерно расшитого алыми и золотыми нитями. На ней даже не было шляпки. Темные волосы выбились из пучка на затылке, и теперь непослушные локоны хлестали ее по раскрасневшимся от ветра щекам. Вообще-то она довольно хорошенькая — этакая девчонка-сорванец.

Впрочем, это не имело никакого значения.

Откуда, черт возьми, она взялась?

Насколько он знал, в разрушенном парке остались лишь так называемые садовники, которые в данный момент трудились над восстановлением изгородей позади пруда. Аполлон как раз вымещал свое разочарование на мертвом пне, пытаясь выкорчевать его вручную, поскольку единственную ломовую лошадь использовали другие работники, когда услышал женский крик, а потом перед ним неожиданно возникла и сама незнакомка.

Женщина ошеломленно заморгала и перевела взгляд на поднятую руку Аполлона.

Проследив за ее взглядом, он поморщился и, повернувшись на звук, поднял руку машинально, но она наверняка восприняла зажатый в его руке нож для обрезки ветвей как угрозу.

Аполлон поспешил опустить руку и теперь стоял перед незнакомкой в заляпанной грязью рубаше и жилете, и ее изысканная женственность заставляла его чувствовать себя безмозглым животным.

Его жест очевидно придал ей уверенности, она выпрямилась, хотя это не сделало ее выше, и спросила:

— Кто вы такой?

Вообще-то ему хотелось задать ей такой же вопрос, но, увы, он не мог, и виной тому нападение, которому он подвергся в психиатрической лечебнице.

Виконт Килбурн запоздало вспомнил, что должен вести себя как простой рабочий, потянул себя за волосы и опу-

стил глаза, уставившись на изящные расшитые туфельки, перепачканные грязью.

Кто эта женщина?

— Отвечайте немедленно, — властно потребовала незнакомка, несмотря на то что ее ноги утопали в грязи. — Кто вы такой и что здесь делаете?

Аполлон несколько мгновений смотрел на ее лицо: изогнутые брови, зажатую между зубами пухлую розовую нижнюю губу, — потом опять опустил глаза, постучал себя по горлу и покачал головой. Если после этого незнакомка ничего не поняла, значит, не так умна, как могло показаться на первый взгляд.

— О, — произнесла женщина, пока Аполлон смотрел на ее туфли, — я не догадалась сразу. — Ее хриловатый голос зазвучал мягче, когда Аполлон опустил глаза. — Впрочем это не важно. Вы не можете здесь оставаться, поймите.

Незнакомка не видела, как у него от удивления округлились глаза. О чем это она? Он работал в саду, и она наверняка это видела. Кто она такая, чтобы ему приказывать?

— Вы. Не можете. Остаться. Здесь. — Женщина произнесла эти слова громко и отчетливо, как если бы разговаривала с глухим.

Некоторые полагали, что раз Аполлон не может разговаривать, то у него проблемы и со слухом. И сейчас он поймал себя на том, что недовольно хмурит брови, хотя тотчас же взял себя в руки.

— О господи, — немного помолчав, пробормотала женщина. — Понимает ли он меня? Поверить не могу, что мистер Харт позволил...

Только теперь до Аполлона дошло, что исполненное разочарований утро сменилось совершенно нелепым днем. Эта смехотворно одетая женщина приняла его за слабоумного.

Ножка в вышитой туфельке принялась постукивать по грязи.

— Посмотрите на меня, пожалуйста.

Аполлон медленно поднял голову, постаравшись сохранить невозмутимое выражение лица.

Изогнутые брови незнакомки над большими глазами сошлись на переносице. Наверное, она не сомневалась, что придала взгляду строгость, но на самом деле получилось очаровательно. Теперь она походила на девчонку, которая собралась выбрать котенка за разлитое молоко. По телу Аполлона прокатилась волна возмущения. Ей не следовало находиться в этом жутком месте без сопровождающих. Окажись здесь кто-нибудь другой — наподобие тех, что бесчинствовали в лечебнице, — ее достоинство, а может, даже и жизнь могли оказаться под угрозой. Разве у нее нет мужа, брата или отца, которые позаботились бы о ее безопасности? Такая хрупкая женщина — находка для хулиганов и грабителей.

Аполлон заметил, что выражение ее лица стало более доброжелательным. И причиной тому наверняка было его молчание.

— Вы не можете мне ответить, верно? — спросила она мягко.

Аполлон и раньше сталкивался с жалостью окружающих, когда те узнавали, что он утратил способность разговаривать. Обычно это вызывало в нем дрожь ярости и какого-то ужасающего отчаяния. Ведь прошло уже девять месяцев после несчастья, а он все еще не был уверен, что когда-нибудь сможет заговорить. Но вопрос незнакомки не пробудил в нем привычного гнева. Возможно, причиной тому — ее женские чары: уже на протяжении долгого времени ни одна дама, кроме его сестры, не пыталась вступить в диалог с ним. А может, она просто не как